

Юрий Кузнецов – человек и поэт. Две сферы – земная и небесная пересеклись в этом драгоценном имени – Юрий Кузнецов. Небесная сфера неизмеримо больше, чем земная. Поэт Кузнецов знает о мире неизмеримо больше человека Кузнецова. Поэтический мир имеет свою логику и свою правду, и эта правда зачастую звучит неожиданно для нашего земного уха. Обратимся к теме «Кузнецов и Победа», имея в виду, конечно же, победу СССР над Германией в Великой Отечественной войне. Однако поэтический мир Юрий Кузнецова отозвался на тему Победы совершенно неожиданно.

Прежде всего приведу те места, где встречается слово «победа». Их всего-навсего четыре. Интересующие нас слова выделим. В поэме «Дом» читаем:

*Прошёл на Запад шум шагов,
На край иной земли.
Померкли языки штыков,
И вишни расцвели.
Был полк вином **победы** пьян
И верностью подруг.
Пришёл Степанчиков Степан,
Но без обеих рук...*

Второе место в той же поэме:

*Победа! Сталин поднял тост.
Возник перед зеркалом.
«Я пью!..» – ему он произнёс
И чокнулся бокалом.
И гром по свету разнесло.
Я видел Русь с холма:
Мария плакала светло,
И строились дома...*

«Стихи о генеральном штабе»:

*Кровь святая бумаги кропит,
Дым и пепел **победы** летит,
Светит слава, эпоха глядит,
Как губами война шевелит
В тишине Генерального штаба.*

Там же:

*Оглянувшись на слово «вперёд»,
В окружении вдов и сирот,
Победители пьют за народ,
За отвагу и трезвый расчёт,
За мозги Генерального штаба.*

Поразительно, но факт: слово «победа» участвует в создании разных художественных образов, но самого акцентированного художественного образа Победы нет! Для сравнения обратимся к стихотворению «Сказание о Сергии Радонежском».

*Земли не касаясь, с звездой наравне
Проносится всадник на белом коне,
А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,
И вороны-волки, и клочья, и дым –
Вся вечная слава.*

*Как филины, ухают дыры от ран,
В дубах застревает огонь и туман
Затёкшего следа.*

*Глядит его лик на восток и закат,
Гремит его глас, как громовый раскат:
«Победа! Победа!»*

*Храни тебя чёт, коли ты не свернул
В терновник, заслышав неистовый гул,
Храни тебя нечет!
Уйдёшь от подковы – копыто найдёт,
Угнёшься от ворона – волк разорвёт,
А буря размечет.*

*Но если ты кликнешь на все голоса:
«Победа! Победа!» – замрут небеса
От вещего слова.
На полном скаку остановится конь
Копыта низринут туманный огонь –
То пыль с Куликова!*

Но это – поле Куликово! При создании образа Победы Кузнецов использовал всю свою поэтическую мощь. «Сказание о Сергии Радонежском», словно оптическая линза, собрало в один символический образ весь рассеянный свет европейского фольклора, относящегося к ночному проезду небесного воинства. Ничего подобного, даже на порядок ослабленного, в стихах о Второй мировой у Кузнецова нет.

Образа Победы нет. Что же есть? Есть образ Войны. Образ Войны, прочувствованный и воссозданный в слове, – многозначный, многоцветный и многослойный. Мир войны обладает чёткой, порой кристаллической структурой. Учёные делят оболочки Земли на литосферу, гидросферу и атмосферу, а затем ещё делят атмосферу на тропосферу, стратосферу и так далее. Подобно этому тело войны у Кузнецова очень точно и тонко расслоено на слои быта и бытия, духовная атмосфера тоже расслоена на несмешиваемые, словно хрустальные, слои. Герои живут и действуют в разных слоях, например, некий герой стихотворения от взрыва снаряда переходит из «литосферы в атмосферу»:

*На высоту комет и грёз
Могильный червь взлетал.*

Герои могут перемещаться в поэтическом мире Кузнецова сложным путём, могут жить сразу в нескольких слоях сразу, но они всегда ограничены, Кузнецов же, творец своего мира,

видит всё пространство войны целиком. Кузнецов творит сразу два мира – мир видимый и невидимый. «На высоту комет и грёз...» «Комета» – предмет мира видимого, «грёзы» – субъекты мира невидимого. Словно Бог, Кузнецов дарует своим героям свободу выбора, и они живут и действуют сами по себе. Словно Бог Кузнецов незримо живёт в каждом из них и рядом с каждым. Вот отрывок из стихотворения «Жертва Алексея Ващенко»:

*Алексей! Между злом и добром
Твоя рота идёт напролом.
Твоя рота отмечена Богом.
Что за чёрт твою душу засёк!
Это ад приоткрыл свой глазок,
Это дзот распластал твою роту.
Ни вперёд, ни назад, хоть убей.
Жизнь твоя подбирается к дзоту.
Так воскрес в тебе Бог-Человек
И закрыл своим телом навек
Амбразуру всезрячего дзота.
Во вселенских сетях бытия
Это место – одна ячейка.
Заняла ячейку твоя рота.*

Война – не единственная и, даже, не центральная тема Юрия Кузнецова. Однако, на мой взгляд, именно тема Войны помогла ему обрести свой поэтический язык.

У Юрия Поликарповича, с одной стороны, как у сына погибшего фронтовика, было живое чувство Войны. Такое не умственное, непридуманное, интимное – «тактильное» – ощущение ничем не заменишь, оно либо есть, либо его нет. С другой стороны, Юрий Кузнецов, наряду с образным мышлением имел мощнейший аналитический аппарат. Он как человек образованный и постоянно занимавшийся самообразованием много читал, анализировал, осмысливал. Кузнецов имел своё собственное представление как о войне целиком, так и об отдельных её периодах, об отдельных военных операциях.

Таким образом, в личности Юрия Кузнецова соединились два потока – личное трагическое знание войны и масштабный умственный взгляд на громадное историческое событие, как бы с высоты птичьего полёта. Именно соединение этих потоков позволило Юрию Кузнецову начать поэтическое осмысление Войны в категории символа. «Символ – это бытие, которое боль-

ше себя самого», – так определял символ Флоренский. В символе сочетается земное событие (или предмет) и его небесная (неземная, божественная) часть. Это сразу даёт представление о невероятной трудности работы с символом – далеко не каждое событие многогранно и годится для создания символа. Надо иметь пронизающий – «рентгеновский» – поэтический взгляд на жизнь, чтобы просвечивать быт на глубину бытия. Таким взглядом и обладал Юрий Кузнецов. Символическое мышление свойственно не только для военной темы, но для всего творчества поэта, однако, думается, что именно масштабный трагический излом Войны помог обрести Кузнецову свой символический язык. «Символ яснее виден на трагическом изломе эпох», – заметил в своё время Флоренский.

Тема Войны, глубоко и всесторонне прочувствованная, была для Кузнецова постоянным источником поэтических образов. У Юрия Кузнецова, как и у каждого художника, есть размышления о природе художественного творчества. Многие люди, даже те, кто сам занимается таковым, считают творчество чем-то «добавочным» по отношению к жизни. Вроде бы, художественное творчество может быть, а может и не быть. Творчество, получается, никак не соотносится с онтологией (сущностью) бытия, являясь неким дополнительным украшением, «архитектурным излишеством», а не «несущей конструкцией» жизни. Таким образом, художественное творчество, по распространённому мнению, является цирковым жонглированием образами. Иногда, пожонглируешь, – получилось красиво, другой раз – некрасиво, но, в сущности, и то и другое – неважно.

Есть и другой взгляд на природу творчества. Главная причина трагичности земной жизни – смертность человека. Смерть – есть разрыв земного мира и небесного. Есть ли иной мир или нет – достоверно человек узнаёт только после смерти. Именно преодоление этого непреодолимого на данный момент разрыва двух миров – «мира видимого и невидимого» – есть основное содержание и цель художественного творчества. Творчество – это религия в самом чистом, первозданном смысле этого слова. В стихотворении «Связист Путилов» Юрий Кузнецов воссоздаёт в слове подвиг бойца.

*Принимаю по русскому нраву
Я сержанта Путилова славу.
Встань, сержант в золотую строку!*

Стихотворение рассказывает о подвиге солдата, который при восстановлении связи в условиях боя был смертельно ранен. Умирая, он зажимает концы разорванного провода зубами, тем самым выполняя задание и восстанавливая связь. В финале этого, вроде бы, исключительно военного стихотворения, Юрий Кузнецов вдруг выводит читателя на тему поэтического творчества:

*Связь полка ожила и запела
Песню мёртвых, а значит – живых...
Кто натянет тот провод на лиру,
Чтоб воспеть славу этому миру?..
Был бы я благодарен судьбе,
Чтобы вольною волей поэта
Я сумел два разорванных света:
Тот и этот – замкнуть на себе.*

Вне всяких сомнений Юрию Кузнецову удалось «замкнуть на себе» «два разорванных света» во всей полноте, которая доступна земному человеку на данном этапе времени. За переход из земного мира в мир творческий в физическом теле человека отвечает сердце. Батима, вдова поэта, рассказала, что когда Юрий Кузнецов скончался, то медицина провела, как положено, вскрытие. Врач, проводивший эту операцию, спросил: «Он работал грузчиком?» «Нет!» – ответила Батима. «У него сердце изношено до последней степени, как у грузчика», – констатировал медик. Такова земная цена за создание того огромного символического мира, который мы называем поэзией Юрия Кузнецова.

Юрий Кузнецов относится к тем крупным и глубоким личностям, размышления над творчеством и судьбой которых сопровождают русского культурного человека всю жизнь. Многие качества, которые у обычного человека находятся в зачаточном состоянии и едва видны, у гения выпуклы, развиты. Ибо гений – это правильно развитая человеческая личность. Так вот, ещё одно, последнее, наблюдение на тему «Кузнецов и Война». Судьба русского народа и его культуры в XX веке – судьба невероятная во многих отношениях. В том числе – по количеству испытаний.

Кузнецов не раз повторял: «Русская дореволюционная культура – это дворянская культура. Она была сметена революцией». К концу 30-х годов великая русская литература девятнадцатого века ещё как-то держалась в силу своего мирового признания, но живая, «текущая» культура была просто

«закатана в бетон». Дышать в таком состоянии ей оставалось недолго.

Парадокс – а весь XX век России – это век парадоксов, – но именно вторая фаза страшной и огромной мировой войны дала русской культуре некоторую свободу. Когда потребовался патриотический подвиг русского народа, именно тогда удалось отвоевать во внутренней жизни страны некоторое, как показало будущее, очень ограниченное временное пространство для живого дыхания культуры. Образно можно сказать, что отец Юрия Кузнецова отвоевал сыну возможность для творчества, раздвинул «бетон», создав свободную воздушную полость, и уже в этой воздушной полости Юрий Кузнецов смог произнести своё полновесное поэтическое слово.

г. Москва